

УДК 94 (571.5)

Баргузинский «след» в Иркутске: Моисей Новомейский и Яков Фризер

Л. В. Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматривается иркутский период жизни двух знаменитых баргузинцев – Моисея Новомейского и Якова Фризера. Именно в Иркутске в полной мере проявился их талант общественных деятелей.

Ключевые слова: Новомейский, Фризер, иркутский период, золотопромышленность, сионизм, меценат, организаторский талант, политическая деятельность.

Судьбы двух известных баргузинцев Моисея Новомейского и Якова Фризера, чья слава вышла далеко за пределы Сибири (и даже России), были схожими. Родившиеся и выросшие на баргузинской земле, яркие, неординарные личности, талантливые ученые и публицисты, искренне озабоченные положением Сибири в Российском государстве и судьбой своего народа, они боролись за благополучие той и другого в соответствии со своим видением и покинули сибирскую землю, убедившись в бесплодности этой борьбы. Иркутский период их жизни был, пожалуй, самым плодотворным. Здесь в полной мере нашли проявление их предпринимательский размах, организаторский талант и интеллектуальный потенциал.

Внук ссыльного Моисей Новомейский родился и вырос в Баргузине в семье богатого золотопромышленника, купца первой гильдии Абрама Новомейского, которая составляла элиту местного общества. Здесь, в Баргузине, где отбывал ссылку цвет российского освободительного движения – от декабристов до видных представителей «Земли и воли» и «Народной воли», нашедших в окружном центре пристанище после отбытия каторги, младшее поколение семьи Новомейских заразилось идеями «борьбы за свободу, принесенными ссыльными в Сибирь во всей свежести и непорочности, несмотря на принятые за эти идеи тяжкие муки» [11, с. 40].

Зажженный в Баргузине революционный дух семьи Новомейских ярко запылал в Иркутске, который стал местом их самореализации как политических деятелей, борющихся за практическое воплощение своих юношеских идеалов. Старшая сестра Моисея Новомейского Мария, вышедшая замуж за купца Цукасова, входила в верхушку иркутского общества, а ее ежегодный благотворительный бал, который по традиции открывал иркутский генерал-губернатор, был гвоздем сезона. Однако одновременно она работала в местном отделении запрещенной социал-демократической партии и выполняла многочисленные партийные поручения по подготовке побегов и снаряжения

в дорогу товарищей по партии. Младшая сестра Ага стала женой сосланного в Иркутск доктора В. Мандельберга, одного из основателей «Союза социал-демократических рабочих Сибири», будущего депутата Второй думы. Брат Семен два года провел в иркутской тюрьме, куда был заключен за пропаганду против существующего строя [11, с. 46–47].

Моисей Новомейский оказался в Иркутске в 11-летнем возрасте. Здесь в семилетнем техническом училище, позже ставшем фабрично-заводским училищем с девятилетним образованием, он начал свои университеты. В своих воспоминаниях М. Новомейский писал, что годы учебы в училище не оставили в нем тягостных воспоминаний подобно тем, какие вынесли его сверстники из гимназий Москвы и Киева. Училище было новым, современным, хорошо управлялось и очень много дало будущему горному инженеру. Для М. Новомейского как еврея был очень важен и тот факт, что выпускникам училища присваивалось «личное почетное гражданство», что сразу обеспечивало определенное положение в российской иерархии [11, с. 49–51].

Атмосфера «неблагонадежности», в которой рос будущий лидер сибирского сионистского движения, его контакты в Германии, где он получал образование, и в Италии, где жила его младшая сестра (он слушал А. Бебеля и видел К. Либкнехта, встречался с Г. Плехановым, навещал В. Фигнер, общался с П. Кропоткиным), воспитала из него бунтаря. Однако процесс формирования его политического лица заметно отличался от того, какой прошли братья и сестры, а также друзья, увлекшиеся идеями появившейся на российской политической арене партии эсеров. М. Новомейский быстро «переболел» идеалами партии, «выросшей на развалинах народнического движения», и ее «почвенная», по его выражению, идеология с ее туманностью перестала его устраивать. «От эсеровщины, – писал он, – я постепенно склонялся к марксизму, но две причины удержали меня от вступления в партию: я не мог согласиться с постулатом, гласящим, что «бытие определяет сознание», но главным образом – с подходом российской социал-демократической партии к вопросу о национальных меньшинствах» [11, с. 132]. Выросший в окружении русских и бурят, Моисей Новомейский все же получил традиционное еврейское воспитание, в полной мере ощущал свое «еврейство» и глубоко переживал униженное положение и преследования евреев в европейской части России. Он быстро почувствовал, что вожди русской социал-демократии, не исключая и евреев, с пренебрежением относятся к судьбе и будущему еврейского народа и готовы принести в жертву его интересы, если достижение цели того потребует. Лондонский съезд РСДРП 1903 г., по признанию М. Новомейского, помог ему окончательно прозреть. Споры, шедшие на съезде, и особенно опубликованная после съезда в «Искре» статья В. Ленина «Положение Бунда в партии», где он, солидаризируясь с К. Каутским, отказал евреям в национальном существовании как утратившим основные признаки нации – язык и территорию, способствовали его разрыву с социал-демократами. А опубликованная вслед за ней статья Л. Троцкого «Вырождение сионизма и его потенциальных наследников» с резкими нападками на автора сионистской идеи Т. Герцля

приобщила М. Новомейского к сионизму [11, с. 132–133]. После посещения Эрец-Исраэль в 1905 г. и участия в съезде сионистов в Лондоне он окончательно проникся сионизмом, стал одним из инициаторов его распространения в Сибири и его неутомимым пропагандистом. Его имя как одного лидеров сибирского сионизма, тесно связанного с европейскими сионистами, неоднократно мелькало в сводках агентурных сведений Иркутского жандармского управления по Восточно-Сибирскому районному охранному отделению [4, л. 10]. Идея строительства «страны для народа» оставалась для него притягательной всю жизнь.

Мы не случайно так подробно останавливаемся на политических пристрастиях М. Новомейского, поскольку иркутский период его жизни был в основном посвящен политической деятельности и служению своему народу. Его инженерные опыты были весьма успешными. Достаточно вспомнить знаменитую историю по доставке из Англии драги для экскавации золотосодержащего грунта или открытие им способа очистки глауберовой соли, примененного на собственной фабрике, первой в Сибири начавшей поставку на региональный рынок чистого белого стекла, о чем проверявший горнопромышленные предприятия казенный инспектор опубликовал хвалебную статью в отраслевом петербургском вестнике) проводились в баргузинской тайге.

Яков Фризер, двоюродный брат Моисея Новомейского, был человеком не менее талантливым и тоже добился общественного признания, хотя их стартовые возможности были неравными. Журнал «Еврейская жизнь», опубликовавший статью на смерть Я. Д. Фризера, указывает, что его отец был жителем Баргузина, золотопромышленником и крупным поставщиком товаров на баргузинские прииски [8, с. 21]. Однако мы более склонны верить архивным данным, согласно которым его отец Ицко Абрамович был ссыльным, после отбытия срока поселения в Илгинской волости Верхотурского уезда Иркутской губернии причисленным к крестьянскому обществу Читканской волости Баргузинского уезда Забайкальской области. По-видимому, позже семье удалось перебраться в Баргузин, где и родился сын Яков. Впоследствии жена Ицко Фризера Ципа Хайкелевна, дама весьма предприимчивая, вместе с детьми записалась в баргузинское купечество второй гильдии [2, л. 1, 3]. Богатство отца вызывает изрядные сомнения, поскольку Я. Фризер не получил даже начального образования. А ведь сибирские евреи обучение детей считали самой удачной инвестицией: в будущем это могло существенно расширить их права. Скорее всего, в некрологе биография Я. Фризера была «облагорожена». Отдавая должное этому замечательному человеку, авторы, по-видимому, решили не ворошить прошлое и не напоминать лишний раз о том, что он был сыном сосланного в Сибирь за какое-то преступление.

Яков Фризер был человеком, «сделавшим себя сам». Уже с 15 лет он зарабатывал на жизнь старательством. После накопления первоначального капитала взял в аренду прииск, заложив основу своего будущего богатства. Впоследствии он расширил дело, арендуя один за другим прииски разных владельцев, в том числе очень крупных, не заинтересованных в техническом

переворужении золотодобычи, но желающих при этом получать дивиденды. Он приумножил свой капитал, женившись на дочери нерчинского золотопромышленника Фиселя Рифа Надежде [5, л. 45]. Брак оказался удачным во всех отношениях: тесть Фризера был преуспевающим предпринимателем, выгодно вложившим заработанные торговлей деньги в разработку золота, а его дочь стала Фризеру надежным другом, верной спутницей жизни и помощницей во всех его начинаниях. Через 10 лет после начала разработок золота на арендованных участках Я. Фризер с женой владели уже шестью собственными приисками [12, с. 66].

Вполне вписавшись в класс сибирских промышленников решительностью, жесткостью и хваткой, Я. Фризер тем не менее выделялся из их среды вдумчивостью, интеллектом и человечностью. Недостаток образования он с лихвой восполнил систематическим чтением (дома у него была хорошая библиотека) и обладал обширными познаниями в разных областях. Занятия золотопромышленностью заставили его интересоваться вопросами краеведения, этнографии и статистики. По признанию современников, благодаря постоянному самообразованию он превосходил многих дипломированных коллег в глубине мышления и умении излагать свои мысли на бумаге. Анализируя работу приисков, участвуя в экспедициях, он собрал богатый материал об экономической и бытовой жизни на сибирских приисках, написал и опубликовал несколько книг: «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды», «Статистико-экономические очерки Королонских приисков», «Номенклатура счетоводства на золотых приисках», «Такса урочной и поденной платы на золотых приисках». Его статьи и заметки по финансово-экономическим и национально-общественным вопросам часто публиковались в различных периодических изданиях. Он выступал за обязательное страхование рабочих, доказывая его выгоду и целесообразность.

В 1898 г. Я. Фризер переехал в Иркутск. Ему, как и М. Новомейскому, стало тесно в рамках окружного города. Иркутск манил кипучей деловой, общественно-политической и культурной жизнью, которая могла дать выход его размаху и неумной энергии. В Иркутске Я. Фризер не затерялся. Он занимал ряд общественных должностей: был членом распорядительного комитета Сибирского географического общества, членом Иркутского сельскохозяйственного общества, Общества рыболовства, членом учетно-ссудного комитета Иркутского отделения Государственного банка, членом Комитета Восточно-Сибирского отдела Общества для содействия русской промышленности и торговле, членом Русско-английской торговой палаты и совещательной конторы золото- и платинопромышленности [9, с. 145]. Широта мышления Я. Фризера, его дар предвидения, умение разглядеть перспективу экономического развития края были замечены официальным Петербургом. Он выступал в столице империи на съезде золотопромышленников, был удостоен аудиенции министра финансов С. Ю. Витте. Пожалуй, ни одно совещание у Иркутского генерал-губернатора по «обустройству Сибири» не обходилось без участия Фризера, будь то совещание о путях сообщения, развитии рыбопромышленности или устройстве почтового пароходства в

верховьях Лены. Сделанные Фризером доклады большей частью были опубликованы. Предлагаемые им проекты он подкреплял финансово. К примеру, представив генерал-губернатору докладную записку об экономической и стратегической важности сухопутного пути от Читы до Баргузина и Байкала, он сразу пожертвовал 1 тыс. руб. на его поиски.

Как меценат Я. Фризер был известен всей Восточной Сибири. Особенно много он жертвовал на научные исследования и образование, пietet перед которым испытывал с юности. При его поддержке строились школы и музеи, снаряжались научные экспедиции. Интегрированный в сибирскую купеческую среду, русский по образу жизни, языку и привычкам, Я. Фризер по духу оставался евреем: способствовал становлению в крае еврейского образования, добивался открытия еврейских учебных заведений. В Иркутске, где он поначалу был избран членом хозяйственного правления местной еврейской общины, а затем и ее председателем, он оказывал постоянную финансовую поддержку еврейской школе. Его жена Надежда Фиселевна заведовала женским ремесленным отделением в Иркутском еврейском бесплатном училище, которое давало профессию еврейским девочкам из бедных семей. Отделение существовало на деньги, заработанные на Королонских приисках Я. Фризера.

В 1913 г., после открытия в Иркутске отделения «Общества распространения просвещения между евреями» (ОПЕ), Я. Фризер был избран его председателем. Он агитировал за сбор денег на открытие в Иркутске университета, несмотря на сопротивление членов общины, считавших, что им не следует активно поддерживать основание учебного заведения, доступ в которое евреям будет ограничен. Однако позиция Я. Фризера, преклонявшегося перед образованием, осталась неизменной: ОПЕ обязано принять участие в открытии учреждения, несущего просвещение [3, л. 98]. На его средства был издан интереснейший труд «Евреи в Иркутске» [1], оказавший неоценимую помощь исследователям сибирской еврейской истории. В Иркутске он собрал собственную библиотеку из более чем 4 тыс. томов, которую при отъезде в Харбин оставил городу.

О его политических взглядах ничего не известно. Ученый, организатор производства, меценат, он был слишком поглощен поисками путей развития Сибири. Интересуясь он политикой, наверное, поддержал бы партию, в программе которой содержалось требование отмены законов, унижающих достоинство еврейских граждан. В царской России ему, невзирая на все его заслуги, так и не удалось получить права повсеместного жительства, о чем он долго и безнадежно мечтал. Ему, одному из богатейших людей Сибири, обществу деятелю, принятому в официальных, деловых и научных кругах, обладателю многих наград, пробывшему, как того требовал закон, 10 лет в купечестве первой гильдии, было отказано по надуманной причине принадлежности к семье ссыльного [9, с. 144–145]. К слову, законодательством подобное ограничение не оговаривалось. Если уж на то пошло, на этом основании можно было отказать в праве повсеместного жительства любому сибирскому купцу-еврею, поскольку практически все они происходили из

ссылных. После прихода к власти большевиков Я. Фризер, разочарованный их программой, не оставлявшей шансов на национальное возрождение, выехал с семьей в Харбин.

М. Новомейский, напротив, «купался» в политике. Социал-демократия в его лице потеряла талантливую организатора. После Февральской революции 1917 г. состоятельный золотопромышленник, владелец нескольких предприятий собрал крестьянских вожakov, враждебно относившихся к старому режиму, и ссыльных рабочих-социалистов, из числа которых составил ревком, и «приступил к ликвидации старого строя и основанию новой власти» [11, с. 166]. Он считал достижением своей политической цели приход к власти Временного правительства, демократизм национальной политики которого отвечал его многолетним чаяниям. «Более всего меня взволновала декларация о предоставлении абсолютного полноправия евреям, – писал в своих воспоминаниях М. Новомейский. – ...одним росчерком пера евреев приравнивали ко всем прочим людям и сделали полноправными гражданами России, перечеркнув века унижений и насилий над шестью миллионами душ» [11, с. 169]. На третьем Всесибирском съезде сионистов в ноябре 1918 г. он оценил законы Временного правительства как «новую эру для евреев» [10, с. 177].

Приход к власти большевиков означал для него пренебрежение национальной идеей, которая только-только начала обретать реальные очертания. Поэтому в правлении А. Колчака М. Новомейский увидел одновременно реальное противостояние большевикам и возможность национальной самореализации. Состоявшийся в Иркутске в январе 1919 г. съезд еврейских общин Сибири принял решение об их объединении в Союз еврейских общин Сибири и Урала и формировании его представительного органа – Национального совета евреев Сибири и Урала, председателем которого стал М. Новомейский. В его воспоминаниях эта деятельность упоминается лишь одной строкой – как констатация факта [11, с. 212], но другие источники позволяют восполнить этот пробел. Надеясь на защиту А. Колчака от большевиков, посягавших на развитие национальной жизни, Национальный совет финансово поддерживал его диктатуру и не скрывал неприязни к большевистскому режиму, поддерживать который, по его мнению, могут только «отбросы еврейского народа» [7, с. 133]. Работа в Национальном совете, Исполнительное бюро которого располагалось в Иркутске по Саломатовской улице, захватила М. Новомейского. Он горел идеей всеобщего равенства наций и пресекал создание любых организаций с исключительно еврейским представительством. «Мы никогда не должны забывать, что значили для нас слова «кроме евреев», чтобы раз и навсегда отказаться при каких-либо обстоятельствах от национального или вероисповедального ограничения... Бюро сионистской организации отклонило указанное ограничение «только евреям» даже для уставов обществ, преследующих задачи строительства в Палестине», – пояснял он в письме Национального совета Баргузинскому общинному совету [6, л. 32].

«Колчаковский» период, отмеченный невиданным ранее в Сибири расцветом еврейской жизни, стал пиком политической деятельности М. Новомейского. Работали кружки по изучению древнееврейской истории, языка (идиш) и литературы, открывались еврейские библиотеки, проводились еврейские студенческие вечера. Национальный совет поддерживал еврейские школы, при нем функционировала «Центральная беженская организация», которая помогала евреям – жертвам войны. М. Новомейский сотрудничал с иркутским еженедельником «Еврейская жизнь».

Однако обретенная было надежда на полноценное развитие еврейского народа быстро угасла. На фронте распространялись антисемитские прокламации, в которых проводилась мысль, что большевизм и еврейство – синонимы и борьба с большевизмом должна вылиться в борьбу с евреями [6, л. 41]. Евреев не допускали в военные школы; имевшие высокий уровень образования евреи при поступлении заведомо проигрывали конкуренцию хуже образованным только потому, что они евреи. Для уже поступивших возможность закончить школу была резко ограничена. Все это, сопровождаемое разнузданной антисемитской пропагандой, вызывало у сибирских евреев чувство незащищенности и гражданской неполноценности, серьезные и небезосновательные опасения, что военные круги собираются вернуть их к положению, в котором они находились при самодержавии [13, р. 291]. Встревоженный этой планомерной пропагандой, М. Новомейский неоднократно обращался к А. Колчаку с требованиями принять меры к ограждению еврейского населения Сибири и Урала от неизбежных общеизвестных последствий такой пропаганды. А. Колчак, на словах возмущенный травлей, обещал принять все необходимые меры для ее прекращения и объяснял происходящие эксцессы тем, что «за всем невозможно уследить» [6, л. 37, 41]. Однако пропаганда продолжалась и углублялась. В архивах нами обнаружено множество писем М. Новомейского, которые свидетельствовали о нежелании или беспомощности власти в решении данного вопроса, «...мы ...вновь вынуждены обратиться к центральной власти с указанием на несоответствие между ее заверениями и печальной действительностью», – писал Новомейский в октябре 1918 г. По его инициативе в Иркутске при Национальном Совете было создано бюро информации для противостояния погромной агитации [6, л. 69, 43].

Постепенно М. Новомейский разочаровывался в Колчаке. В отличие от многих, считавших последнего кровавым диктатором, М. Новомейский видел в нем слабого правителя, совершенно не контролировавшего ситуацию, приказы которого не просто игнорировались – все делалось им вопреки [13, р. 285, 295]. Бесконтрольность действий колчаковских войск и беспомощность Верховного в пресечении антисемитской пропаганды окончательно оттолкнули М. Новомейского от А. Колчака. Он хотел заниматься национальным образованием и воспитанием национального самосознания, но на деле пришлось бороться против угрозы физическому существованию сибирского еврейства. Мечты об укреплении экономики и культуры экстеррито-

риального еврейства, высказанные им на третьем Всесибирском съезде сионистов, уступили желанию уехать в «страну для народа».

После свержения военной диктатуры М. Новомейский покинул Россию: он почувствовал, что ему больше нечего делать на родине. В его воспоминаниях не говорится прямо, но между строк просматривается мысль, что он не видел в России силы, которая могла бы предоставить еврейскому народу возможность полноценного развития, и это лишало его смысла продолжать здесь работу.

Так закончился иркутский период жизни этих двух незаурядных людей. С Иркутском были связаны их ожидания и разочарования, здесь они получили признание и пережили крушение своих надежд. В эмиграции оба продолжали служить каждый своей идее, которые им не удалось осуществить в России. Но это уже совсем другая история...

Список литературы

1. *Войтинский В.* Евреи в Иркутске / В. Войтинский, А. Горнштейн. – Иркутск : Изд. Хозяйств. правления Иркут. еврейского молитв. дома и Иркут. отдела Общества распространения просвещения между евреями в России, 1915. – 390 с.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.1 (о). Оп. 1. Д. 13217.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 417. Оп.1. Д.7.
4. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 837.
5. ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 80.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 385. Оп. 1. Д. 18.
7. *Звягин С. П.* Евреи Урала, Сибири и Дальнего Востока в условиях антибольшевистских режимов (1918–1919 гг.) / С. П. Звягин // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.) : сб. ст. – Красноярск : Кларетианум, 2001. – С. 130–153.
8. *Изгур А. Я. Д.* Фризер – самородок сибирской тайги (вместо венка) / А. Изгур // Еврейская жизнь. – 1933. – № 1–2. – С. 21–23.
9. *Кальмина Л. В.* Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер / Л. В. Кальмина // Вопр. истории. – 2003. – № 3. – С. 142–145.
10. *Нам И. В.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.) / И. В. Нам, Н. И. Наумова. – Красноярск : Кларетианум, 2003. – 272 с.
11. *Новомейский М.* От Байкала до Мертвого моря / М. Новомейский. – Иерусалим : Библиотека-Алия, 1979. – 383 с.
12. *Патронова А. Г.* Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX – начале XX века / А. Г. Патронова // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита, 1972. – № 6. – С. 57–76.
13. *Novomeysky M. A.* My Siberian Life / M. A. Novomeysky. – London : Max Par-rish, 1956. – 352 p.

Barguzin Trace in Irkutsk: Moses Novomeysky and Jacob Friezer

L. V. Kalmina

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article dwells upon the two famous Barguzin residents – Moses Novomeysky and Jacob Friezer. Particularly in Irkutsk they displayed their public figures talent to the full extent.

Keywords: Novomeysky, Friezer, Irkutsk period, gold – mining industry, Zionism, sponsor, organizational skills, political activities.

Кальмина Лилия Владимировна

доктор исторических наук

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

670042, г. Улан-Удэ-42, аб. яц. 6254

тел.: 8(3012)55-63-78

e-mail: kalminal@gmail.com

Kalmina Lilia Vladimirovna

Doctor of Sciences (History)

*Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS*

POB 6254, Ulan-Ude-42, 670042

tel.: 8(3012)55-63-78

e-mail: kalminal@gmail.com